

**СОЦИАЛЬНО-ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ РЕГИОНАЛЬНЫХ
СООБЩЕСТВ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА И ЭЛЕКТОРАЛЬНАЯ
УСПЕШНОСТЬ РЕГИОНАЛИСТСКИХ ПАРТИЙ**

ИСОБЧУК Мария Вячеславовна, ассистент кафедры политических наук Пермского государственного национального исследовательского университета, адрес: 614068, Россия, г.Пермь, ул. Букирева, д.15, e-mail: isobchuk.mary@gmail.com

Аннотация. Распространение регионалистских движений является одним из устойчивых трендов мировой политики. Вместе с тем среди исследователей регионализма так и не сложилось консенсуса относительно детерминант успеха регионалистского движения.

Цель исследования – определить влияние социально-организационных характеристик сообщества на успех регионалистского движения. Методология исследования заключается в количественном (сравнение двух групп, регрессионном) анализе взаимосвязи между социально-организационными характеристиками сообществ и успехом регионалистского движения в них.

В результате исследования выявлены статистически значимые отличия между регионалистскими регионами и регионами без регионалистского движения по параметрам социального капитала и доверию органам власти различного уровня. Вместе с тем однозначно заявить о взаимосвязи данных характеристик и электоральным успехом регионализма не представляется возможным ввиду малой объяснительной значимости конечной регрессионной модели. Тем не менее в эмпирически доказана значимость социально-организационных характеристик в исследовании регионализма.

Ключевые слова: регионализм, социальный капитал, регионалистские партии, региональные сообщества, социально-организационные характеристики сообществ, электоральные процессы, региональная идентичность.

SOCIAL AND ORGANIZATIONAL CHARACTERISTICS OF THE EUROPEAN
UNION REGIONAL COMMUNITIES AND
THE ELECTORAL SUCCESS OF REGIONAL PARTIES

ISOBCHUK M. V., Assistant of the Department of Political Sciences, Perm State National Research University (Russian Federation, Perm), e-mail: isobchuk.mary@gmail.com

Abstract. The spread of regionalist movements is one of the stable trends in world politics. At the same time, among the researchers of regionalism, there has never been a consensus on the determinants of the success of the regionalist movement: some researchers attribute the structural factors of the region to such, others explain the success of regionalism by the activities of its actors. However, in this vein, the social and organizational characteristics of the regional community are also important. The aim of the study is to determine the influence of the socio-organizational characteristics of the community on the success of the regionalist movement. The research methodology consists in a quantitative (comparison of two groups, regression) analysis of the relationship between the socio-organizational characteristics of communities and the success of the regionalist movement in them. The study revealed statistically significant differences between regionalist regions and regions without a regionalist movement in terms of the parameters of social capital and trust in government bodies at various levels. At the same time, it is not possible to unequivocally declare the relationship between these characteristics and the electoral success of regionalism due to the low explanatory significance of the final regression model. Nevertheless, the study empirically proved the importance of the study of socio-organizational characteristics in the study of regionalism.

Keywords: regionalism, social capital, regionalist parties, regional parties, regional communities, social and organizational characteristics of communities, electoral processes, regional identity

ВВЕДЕНИЕ

Несмотря на тот факт, что исследования регионализма занимают значимую нишу в политических науках на протяжении более чем полувека, детерминанты успеха регионалистского движения на данный момент остаются достаточно спорными. Между тем трансформация регионализмов в «старой» Европе вкупе с возникновением новых, структурно отличных регионалистских движений в 1990-е гг. вновь актуализирует вопрос о конкретных факторах успеха регионалистских движений.

В целом можно определить три наиболее комплексных подхода к объяснению возникновения и динамики регионалистских движений на европейском пространстве. В рамках первого подхода успешность регионализма объясняется факторами идентичности [Swenden, 2006, p. 151; Lipset S.M., Rokkan S., 1967], среди которых, к примеру, можно отметить чувство региональной привязанности (*attachment*), или же этнический характер регионалистского движения. Однако данный подход обладает рядом существенных недостатков: идентичность – феномен необычайно сложный для эмпирической фиксации, а привязанность к конкретному региону, пусть даже и разделяемая более чем половиной регионального сообщества, отнюдь не всегда приводит к возникновению регионалистского движения.

Другим, не менее распространенным подходом к объяснению динамики регионализма, является акторный подход, логика которого заключается в том, что успех регионалистского движения напрямую зависит от стратегий представительства и политической борьбы определенных регионалистских акторов, чаще всего регионалистских партий [Volpi 2017; Ellis & King 1999]. Исследованиям партийных детерминант динамики регионалистского движения посвящено немало актуальных исследовательских проектов, результаты которых, впрочем, нередко противоречивы. Более того, доминирование агентского фактора при интерпретации политических движений зачастую игнорирует систематические предпосылки возникновения регионалистских движений, к примеру, социальную структуру территориальных сообществ или же институциональные возможности для оформления регионалистского движения как такового. Следует отметить, что в РФ регионалистские партии официально запрещены на законодательном уровне, что полностью лишает любых регионалистов возможностей к консолидированному представительству.

Наконец, третий подход к динамике регионализма сосредотачивается на институциональных основаниях регионалистского движения. В рамках данного подхода существуют две конкурирующие теории. С одной стороны, теория «окна возможностей» Ч. Тилли [Tilly, 2004] указывает на тот факт, что при наличии различных институциональных возможностей (преференции со стороны центра, высокая степень автономии, возможность влияния на принятие решений на различных уровнях власти и т.д.) регионалистское движение будет возникать и развиваться, укрепляя собственную политическую поддержку. С другой стороны, теория депри-

вазии Т. Р. Гурра, напротив, декларирует, что регионалистское движение будет стимулировать отсутствие подобного рода предпочтений и борьбу за них [Gurr T.R., 2015]. Так или иначе, обе теории находят свое подтверждение в эмпирических исследованиях, что само по себе свидетельствует о противоречивости данного подхода.

Все три описанных подхода время от времени подвергаются теоретической и методологической критике. Более того, на данный момент так и не была сформулирована модель успеха регионалистских партий, что свидетельствует о необходимости продолжения исследования детерминант регионалистского движения. Однако, так или иначе, все указанные теоретические подходы частично объясняют динамику регионалистского движения, что, в свою очередь, может свидетельствовать о наличии некоего «третьего» фактора в объяснительной модели. В данной работе в качестве такового выступают социально-организационные характеристики территориального сообщества. Предполагается, что характеристики территориальной идентичности могут быть конвертированы заинтересованными акторами в регионалистское движение не только при наличии базовых институциональных возможностей, но и при наличии определенных характеристик самого территориального сообщества (сплоченность, высокий уровень политического участия, способность к самоорганизации и т.д.). Соответственно, цель данной статьи – проанализировать влияние указанных характеристик на регионалистское движение.

Теоретические основания влияния социально-организационных характеристик территориального сообщества на успех регионалистского движения

Мобилизация на уровне территориальных сообществ в литературе объясняется по двум направлениям. Первое – теория социального капитала, которая аргументирует, что в качестве предикторов коллективных действий сообщества выступают степень доверия, близость и интенсивность социальных контактов внутри сообщества, а также уровень социальных обменов между представителями сообщества [Патнэм и др., 1996; Aldrich, Meyer, 2015]. Второе – институциональный подход, который объясняет возможность и характеристики коллективных действий сообщества организационными структурами [Shorter, Tilly, 1971; McCarthy, Zald, 1977; Tilly, 1978; McAdam, 1996; Kriesi, 1996]. Второй подход предполагает, что взаимодействие между людьми и качество их контактов связано с имеющимися организационными условиями. Тилли, например, определял организацию как способность быть группой плюс наличие сети связей [Tilly, 1978]. Организационные условия не заменяют собой чувство принадлежности к группе или уровень межличностного доверия, но структурируют взаимодействие людей, обеспечивают условия для коммуникации, помогают решать проблему издержек от коллективных действий [Snyder, 1976; McCarthy, Zald, 1977; Tilly, 1978].

В соответствии с институциональным подходом коллективным действиям

предшествует мобилизация, на этапе которой концентрируются ресурсы группы и/или привлекаются внешние ресурсы. Мобилизация, в свою очередь, связана с организационными структурами, которые задают условия для взаимодействия людей, позволяют им иметь общий опыт и сохранять принадлежность к группе, а также позволяют сокращать социальные издержки и придают легитимность [McCarthy, Zald, 1977; Tilly, 1978; McAdam, McCarthy & Zald, 1996; Rao, Morill & Zald, 2000]. При этом плотность организационных структур бывает положительно связана с уровнем гражданской и политической активности: классические исследования это не единожды демонстрировали на примере забастовочной активности и профсоюзных структур [Shorter, Tilly, 1971; Aminzade, 1973; Snyder, 1974], современные исследования – на примере правозащитных, женских, экологических или городских движений и соответствующих гражданских ассоциаций [Kriesi, 1996; Sampson et al., 2005].

Полагаем, что эту исследовательскую логику можно применить и к причинам возникновения и развития регионалистских движений. Регионалистские движения манифестируют ценности и идентичности сообщества и продвигают их во взаимодействиях с центром, через участие в выборах или иными способами. Для более эффективной артикуляции и политического продвижения требований сообщества движение должно быть способно создать или опереться на существующие механизмы мобилизации, которые, в свою очередь, отражают организационные и социальные характеристики сообщества.

Например, в 1970-х годах Эйзингер предложил мыслить с точки зрения структур политических возможностей при изучении успехов и неудач социальных движений. Согласно этому подходу, время возникновения социальных движений и результаты их деятельности зависят от изменения институциональных структур и дискурса тех, кто находится у власти. Эти изменяющиеся условия создают конкретные структуры политических возможностей, которые более или менее благоприятны для появления конкретных претензий гражданского общества. Это не односторонний процесс – активисты социальных движений должны приспособить меняющуюся конъюнктуру, чтобы она стала эффективной структурой политических возможностей. Поэтому в данном исследовании вопрос о влиянии агентских факторов на динамику регионалистского движения отнюдь не ставится под сомнение. Более того, в контексте территориальных изменений мобилизационные стратегии социальных движений, как правило, смещаются к акценту на использовании территории в качестве инструмента действий и в качестве основы политических претензий [Boudreau, 2003], что теоретически оправдывает взаимосвязь социально-организационных структур и определенной территориальной идентичности. Наконец, следует полагать, что и институциональные возможности развития регионалистского движения опосредованы социально-организационными характеристиками. Так, к примеру, М. дэ Франц приходит к выводу о том, что хорошо развитая

сеть общественных объединений обеспечила важный социальный капитал для регионального развития в Шотландии и Каталонии [De Frantz, 2008]. Таким образом, мы полагаем, что регионалистское движение как организованный способ манифестации региональных отличий базируется также на определенных социально-организационных характеристиках сообщества, которые и способствуют организации регионализма как социального движения.

Социально-организационные характеристики территориальных сообществ: в поисках различий

Исходя из теоретической рамки исследования, логично предположить, что социально-организационные характеристики территориальных сообществ в регионалистских регионах будут отличаться от таковых в регионах без регионалистского движения. Вместе с тем для начала следует определить непосредственные индикаторы данных характеристик. Мы предполагаем, что таковые можно условно разделить на три группы: доверие, ценности и действие.

В рамках первой группы предполагается, что базовый уровень доверия между членами сообщества, а также уже непосредственно от сообщества сложившейся институциональной системе способствует социальной кооперации и принятию «правил игры» в рамках сложившейся политической системы. Однако указанные параметры невозможны при отсутствии внутри сообщества ценностей принятия другого/толерантности и солидарности. Наконец, указанные ценности вкупе с факторами доверия должны быть подкреплены конкретными действиями, выраженными в политическом участии (членство в ассоциациях гражданского общества, активность в политических акциях различного рода и т.д.) Исходит из данных параметров весь последующий анализ.

Прежде чем непосредственно обратиться к взаимосвязи социально-организационных характеристик территориального сообщества и динамики регионалистского движения, необходимо установить наличие различий данных характеристик между регионами с наличием и отсутствием регионализма. В рамках ответа на данный вопрос были проанализированы социально-организационные характеристики в 223 регионах 14 европейских стран, в которых наблюдается регионалистское движение. Дизайн исследования представлен в табл. 1.

Для анализа различий между группами регионов с наличием и отсутствием регионализма по указанным индикаторам были применены стандартные тесты анализа двух групп в зависимости от гомогенности и распределения переменных. Результаты тестов следующие (табл. 2).

Исходя из результатов анализа, можно установить, что регионалистские регионы действительно статистически значимо отличаются от регионов с отсутствием регионализма по параметрам доверия внутри сообщества, доверия к институтам власти и участию в политических дебатах. Также к статистической значимости приближается отличие между регионалистскими и нерегионалистскими регионами

ПОЛИТОЛОГИЯ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА

по членству в НКО.

Таблица 1 – Описание переменных

Table 1– Description of variables

Переменная	Кодировка	Источник данных
Независимые переменные		
Доверие другим людям	Региональное отклонение от среднего по стране	Eurobarometer
Доверие национальному парламенту	Региональное отклонение от среднего по стране	Eurobarometer
Доверие ЕС	Региональное отклонение от среднего по стране	Eurobarometer
Доверие региональному/местному парламенту	Региональное отклонение от среднего по стране	Eurobarometer
Упоминание толерантности в качестве ценности	Региональное отклонение от среднего по стране	Eurobarometer
Упоминание солидарности в качестве ценности	Региональное отклонение от среднего по стране	Eurobarometer
Процент респондентов в регионе, участвующих в публичных политических дебатах	Региональное отклонение от среднего по стране	FlashEurobarometer 2013
Процент респондентов в регионе, участвующих в публичном выражении мнения	Региональное отклонение от среднего по стране	FlashEurobarometer 2013
Петиционная активность в регионе	Региональное отклонение от среднего по стране	FlashEurobarometer 2013
Процент респондентов – членов НКО	Региональное отклонение от среднего по стране	FlashEurobarometer 2013
Зависимая переменная		
Наличие регионалистского движения в регионе	Дихотомическая	Субнациональный регионализм и динамика многоуровневой политики (российские и европейские практики)

Таблица 2 – Сравнение двух групп
Table 2 – Comparative Analysis of two groups

Переменная	Тип теста	p-value*
Доверие другим людям	wilcox test	0,02835
Доверие национальному парламенту	wilcox test	0,007008
Доверие ЕС	t-test	0,003097
Доверие региональному парламенту	wilcox test	0,001249
Толерантность как ценность	wilcox test	0,2419
Солидарность как ценность	wilcox test	0,6753
Участие в дебатах	wilcox test	0,03405
Участие в выражении мнения	wilcox test	0,3773
Петиционная активность	wilcox test	0,6842
Членство в НКО	wilcox test	0,08118
*значимым результатом установлено p-value<0,05		

Все данные показатели в регионалистских регионах выше, нежели в регионах, где регионализм отсутствует, что, в свою очередь, подтверждает изначальные гипотезы исследования. Примечателен тот факт, что в ходе анализа не сработали предположения о различиях между группами по распространенности ценностей солидарности и толерантности, что, однако, может быть объяснено завоеваниями либерально-демократической культуры на европейском пространстве в целом. Тем не менее в ходе анализа всё же установлено, что социально-организационные характеристики территориальных сообществ в регионалистских регионах более выражены, нежели в регионах «стандартных».

Социально-организационные характеристики территориальных сообществ и их связь с динамикой регионализма

В ходе предшествующего анализа было установлено, что социально-организационные характеристики регионалистских сообществ значимо отличаются от других. Тем не менее непосредственная каузальная связь между ними и динамикой регионализма по-прежнему остается не зафиксированной. Для решения данного вопроса дизайн исследования был несколько видоизменен (табл.3).

Прежде всего, в качестве зависимой переменной в данной части выступает электоральный успех всех регионалистских партий в регионе (среднее значение за три последних электоральных цикла). Также ввиду задачи исследования в выборке

ПОЛИТОЛОГИЯ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА

представлены только регионы с регионалистским движением.

Таблица 3 – Описание переменных

Table 3 – Description of variables

Переменная	Кодировка	Источник данных
Независимые переменные		
Доверие другим людям	Региональное отклонение от среднего по стране	Eurobarometer
Доверие региональному/местному парламенту	Региональное отклонение от среднего по стране	Eurobarometer
Упоминание толерантности в качестве ценности	Региональное отклонение от среднего по стране	Eurobarometer
Упоминание солидарности в качестве ценности	Региональное отклонение от среднего по стране	EuroBarometer
Процент респондентов в регионе, участвующих в публичных политических дебатах	Региональное отклонение от среднего по стране	FlashEurobarometer 2013
Процент респондентов в регионе, участвующих в публичном выражении мнения	Региональное отклонение от среднего по стране	FlashEurobarometer 2013
Петиционная активность в регионе	Региональное отклонение от среднего по стране	FlashEurobarometer 2013
Процент респондентов – членов НКО	Региональное отклонение от среднего по стране	FlashEurobarometer 2013 373
Зависимая переменная		
Успех регионалистского движения	Количественная, средний результат за три последних электоральных цикла	Субнациональный регионализм и динамика многоуровневой политики (российские и европейские практики)
Контрольные переменные		
Региональная идентичность	Количественная	Там же
Степень автономии региона		Там же

Более того, следует вновь уточнить, что динамика регионалистского движения объясняется отнюдь не только социально-организационными признаками территориального сообщества, но и агентскими, институциональными и идентичностными факторами. Последние также были зафиксированы в качестве контрольных переменных. Описание переменных представлено в табл. 3.

Всего в ходе исследования проанализировано 50 европейских регионов с регионалистским движением. Результаты регрессионного анализа данных случаев

представлены в табл. 4.

Таблица 4 – Результаты регрессионного анализа

Table 4 – Results of regression

Параметр	Модель со всеми предикторами		Скорректированная модель	
	Estimate	Pr(> t)	Estimate	Pr(> t)
Доверие другим людям	-22,33	0,07 .	-21,83	0,065 .
Доверие регионально-му/местному парламенту	26,39	0,0003***	26,08	0,0002***
Упоминание толерантности в качестве ценности	-0,63	0,094 .	-0,62	0,094 .
Упоминание солидарности в качестве ценности	-1,3	0,004**	-1,32	0,002**
Процент респондентов в регионе, участвующих в публичных политических дебатах	-110,16	0,07 .	-113,23	0,05*
Процент респондентов в регионе, участвующих в публичном выражении мнения	-52,55	0,394	-52,2	0,39
Петиционная активность в регионе	31,57	0,52	28,26	0,512
Процент респондентов – членов НКО	-9,87	0,88		
Региональная идентичность	-2,57	0,88	-3,8	0,8
Степень автономии региона	2,57	0,021*	2,61	0,016*
Характеристики модели	R-квадрат	p-value	R-квадрат	p-value
	0,527	0,002	0,527	0,001
Signif. codes: 0 '***' 0.001 '**' 0.01 '*' 0.05 '.' 0.1 ' ' 1				

Так, в результате регрессионного анализа была сформирована модель электро-рального успеха регионалистских партий с надежностью оценки высокой статистической значимости. Данная модель объясняет около 53 % вариации зависимой переменной, однако следует отметить, что в модель не были включены контролирующие факторы, связанные с агентскими факторами успеха регионалистских движений (ввиду сложности моделирования последних).

Также следует более подробно остановиться на влиянии институциональных и идентичностных факторов на успех регионалистского движения. Так, при **объяснении** вариации голосов за регионалистские партии исключительно данными переменными их потенциал стремится к 0,05 % вариации зависимой переменной, что характеризует их значимость в контексте с социально-организационными характеристиками сообщества.

Относительно непосредственно социально-организационных характеристик территориальных сообществ результаты регрессионного анализа неоднозначны. Так, наибольшей надежностью оценки обладает влияние доверия региональным органам власти на успех регионалистских партий. Безусловно, доверие сложившимся «правилам игры» определяет и активность регионалистских акторов, и электоральную активность их непосредственных избирателей. Однако другие параметры демонстрируют неочевидные результаты. Так, доверие другим людям, разделение ценностей толерантности и солидарности, участие в дебатах имеют отрицательную взаимосвязь с успехом регионалистских партий. Однако противоречит ли данный результат заявленным в исследовании гипотезам?

Дело в том, что теоретически оправданным является предположение о том, что социально-организационные характеристики территориальных сообществ благоприятствуют появлению и развитию регионалистского движения. Однако следует отметить, что полностью подтвердить данное предположение возможно лишь при темпоральном анализе указанного процесса, то есть в период до и во время возникновения регионалистского движения. Но указанных данных социально-организационных характеристик в региональном разрезе попросту не существует.

Вместе с тем невозможно отрицать, что регионалистское движение как таковое, а также его социальная база эволюционирует. Вполне вероятен тот факт, что регионалистское движение, основанное на базе высокого социального капитала и политического участия, со временем канализирует указанные социально-организационные характеристики территориального сообщества в свою пользу. Так, для любого регионалистского движения примечательно инструментальное использование идентичности с присутствием дихотомии «свой/чужой», что вносит свои коррективы в распространение ценностей толерантности и солидарности внутри регионалистского электората, базовый уровень доверия внутри сообщества. Более того, большинство регионалистских партий, так или иначе, ориентируется на правые, консервативные ценности, основанные на индивидуализме, что также может отражаться на уровне доверия внутри сообщества и его ценностях. И действительно, регрессионная модель демонстрирует отрицательную закономерность между высоким уровнем голосования за регионалистские партии и доверием внутри сообщества, распространением ценностей солидарности и толерантности.

Еще одним объяснением полученных результатов может являться гетерогенность регионалистских движений в целом. Конечно, условия возникновения и контекст формирования регионалистских движений варьируются. Так, М. дэ Франц, указывая на тот факт, что социальный капитал региональных сообществ действительно способствовал регионалистским движениям в Шотландии и Каталонии, справедливо отмечает, что «в менее успешных регионах, таких как Галисия, Лангедок-Руссильон или Уэльс, консервативные тенденции неформальных клиентских

практик имеют тенденцию препятствовать региональному возрождению» [De Frantz, 2008, p. 406]. И действительно, нельзя отрицать, что социально-организационные характеристики сообщества опосредованы практиками политического взаимодействия на территории и т.д., а значит, и их взаимосвязь с успехом регионалистского движения не всегда может иметь прямой и линейный характер.

Подводя итог данной части исследования, следует заключить, что взаимосвязь между социально-организационными характеристиками территориальных сообществ, а именно базовым уровнем доверия, распространением ценностей толерантности, солидарности и успехом регионалистского движения, является отрицательной. Данный факт можно объяснить тем, что регионалистское движение использует указанные параметры в ходе собственной политической борьбы, канализируя общественно-политическую активность в регионе. Вместе с тем доверие институтам, в особенности регионального уровня, демонстрирует положительную взаимосвязь с успехом регионалистских партий, что очевидно: при высоком уровне электоральной поддержки регионалистских партий логично, что последние представлены в региональной легислатуре, что в целом способствует доверию данному институту со стороны регионалистского электората.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, в исследовании была предпринята попытка эмпирического подтверждения влияния социально-организационных характеристик территориальных сообществ на динамику регионалистского движения. Предполагается, что базовые характеристики социального капитала (такие как доверие другим и институтам) вкупе с распространенностью ценностей кооперации, толерантности и высоким уровнем политического участия являются некоей базой для возникновения и развития регионалистского движения в Европе. Действительно, в ходе исследования доказано, что регионалистские регионы значимо отличаются от других по уровню доверия другому и институтам, а также некоторым формам политического участия (участие в дебатах и членство в НКО). Однако при анализе взаимосвязи между успехом регионалистского движения и указанными характеристиками было обнаружено, что, напротив, доверие другому, распространение ценностей солидарности и толерантности отрицательно взаимосвязаны с голосованием за регионалистские партии. Впрочем, причины данной взаимосвязи и каузальный механизм внутри нее подлежат более глубокому эмпирическому исследованию. В целом же следует заключить, что социально-организационные характеристики территориальных сообществ имеют объяснительный потенциал в исследованиях динамики регионалистского движения, обогащая традиционные подходы к динамике регионализма, такие как институциональный, идентичностный и акторный подходы. На наш взгляд, данный вывод актуализирует указанное исследовательское поле в рамках исследований регионализма.

Библиография/References:

1. Патнем Р. Чтобы демократия сработала: гражданские традиции в современной Италии / Пер. с англ. А. Захаров. – М.: Ad Marginem, 1996.
2. Aldrich D., Meyer M. Social Capital and Community Resilience // *American Behavioral Scientist* - 2015 - №59 – p.254-269.
3. Aminzade R. Historical Sociology and Time // *Sociological Methods & Research* – 2012 - №4 - p.456–80.
4. Tilly C. *From Mobilization to Revolution*. Reading, - Mass.: Addison-Wesley, 1978.
5. Ellis, S., King, R. Inter-Party Advantage and Intra-Party Diversity: A Response to Wirls // *Studies in American Political Development* – 1999 - №13(1) – p.31-45.
6. Gurr T. *Political rebellion. Causes, outcomes and alternatives*. NY: Routledge, 2015.
7. Boudreau J. The Politics of Territorialization: Regionalism, Localism and Other Isms ... the Case of Montreal // *Journal of Urban Affairs* – 2003 - №25:2 – p.179-199
8. Kriesi H., Wisler, D. Social Movements and Direct Democracy in Switzerland // *European Journal of Political Research* – 2006 - №30 – p.19
9. Lipset S.M., Rokkan S. *Party Systems and Voter Alignments: Cross-National Perspective*. NY: Free Press, 1967.
10. McAdam, D., McCarthy, J., Zald, M. (Eds.). *Comparative Perspectives on Social Movements: Political Opportunities, Mobilizing Structures, and Cultural Framings* (Cambridge Studies in Comparative Politics). Cambridge: Cambridge University Press, 1996.
11. McCarthy, J., Zald, M. Resource Mobilization and Social Movements: A Partial Theory. // *American Journal of Sociology* – 1977 - №82 (6) – p.1212-1241.
12. De Frantz M. New Regionalism Top Down: Mobilizing National Minority Culture // *Regional & Federal Studies* – 2006 – № 18:4 – p. 403-427.
13. Hayagreeva R., Morrill, C., Zald, M. Power Plays: How Social Movements and Collective Action Create New Organizational Forms. // *Research in Organizational Behavior* - 2000 – p.237-281.
14. Sampson R., Morenoff J., Raudenbush S. Social Anatomy of Racial and Ethnic Disparities in Violence// *American journal of public health* – 2005 - №95 – p. 224-232.
15. Snyder D. Collective Violence: A Research Agenda and Some Strategic Considerations // *Journal of Conflict Resolution* – 1978 -№22(3) – pp.499-534.
16. Snyder M. Self-monitoring of expressive behavior // *Journal of Personality and Social Psychology* – 1974 - № 30(4) – pp. 526-537.
17. Tilly C. *Social Movements, 1768–2004*. Boulder: Paradigm Publishers, 2004.
18. Tilly C., Shorter E. The Shape of Strikes in France 1830–1960 // *Comparative Studies in Society and History* - 1971 - №13, pp. 60–86.

19. Volpi, E. Party-Level Characteristics and Party Switching: Evidence from Twelve Western European Countries, 1988-2014. — URL: <https://ecpr.eu/Filestore/PaperProposal/4537ac40-3fec-4f8b-a40d-ffe4dd4c0f4c.pdf> (дата обращения: 01.05.2021).

1. Patnem, R. (1996) Chtoby demokratiia srobotala: grazhdanskii traditsii v sovremennoi Italii [For democracy to work: civil traditions in modern Italy] / Per. s angl. A. Zakharov. – M.: Ad Marginem. (In Russ.)